

Е.В. ПОПОВ

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕРЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ В РОССИИ

ПОПОВ Евгений Владимирович – младший научный сотрудник Института статистических исследований и экономики знаний НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (eropov@hse.ru).

Аннотация. Обсуждается новая методология Евростата для оценки уровня цифровых компетенций граждан. Выделены разные подходы к пониманию цифровой грамотности (технический, когнитивный, социальный). На их основании выстраивается расширенное понимание цифровой грамотности как обусловленной предыдущим опытом совокупности регулярно практикуемых прикладных компетенций обращения с программным обеспечением компьютера или смартфона, которые позволяют человеку, группе или сообществу решать возникающие задачи на основе критического поиска, анализа, а также последующего синтеза размещенных в сети данных. Рефлексируется апробация новой методологии Евростата на российской выборке. Делается вывод, что обновленный подход не описывает уровень цифровой грамотности россиян исчерпывающе в связи со специфическими реалиями России, которые важно учитывать при анализе данных.

Ключевые слова: цифровая грамотность • цифровые навыки • цифровой разрыв • мониторинг • Евростат

DOI: 10.31857/S013216250028532-8

С 2021 г. Евростат использует новую методологию расчета уровня цифровой грамотности. В программном документе подробно не рассматриваются концептуальные основания подхода: указывается только операциональное определение грамотности, которое выводится через цифровые компетенции путем указания основных областей¹. В статье анализируются существующие подходы к пониманию цифровой грамотности и проблематизируются результаты апробации новой методологии Евростата в России.

Основания цифровой грамотности. Существует два определения цифровой грамотности: *концептуальное* понимание описывает связь входящих в нее элементов; *операциональное* рассмотрение выявляет то, что соотносится с цифровой грамотностью в терминах определенных задач и навыков [Bawden, 2008]. Первым, кто вводит в научный оборот рассматриваемый термин, является П. Гилстер. Он указывает, что цифровая грамотность – это возможность критического использования информации в различных форматах из разных источников [Gilster, 1997: 10–12]. В понимании Гилстера важен именно акцент на критическом мышлении. Говоря о прикладных (*операциональных*) аспектах, Гилстер указывает на четыре компетенции: (1) поиск в Интернете; (2) навигация в гипертексте; (3) сбор релевантной информации; (4) Оценка обнаруженного контента [ibid.: 25].

Наличие множества исследовательских контекстов привело ученых к выводу, что унифицированное определение цифровой грамотности Гилстера не дает возможности полноценного изучения феномена с какой-то одной перспективы. Плюс ко всему определение Гилстера датируется 1990-ми гг., когда было сложно предвидеть развитие цифровой

Статья выполнена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-15-2022-325).

¹ Vuorikari R., Kluzer S., Punie Y. DigComp 2.2: The Digital Competence Framework for Citizens – With new examples of knowledge, skills and attitudes, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2022.

сферы. Поэтому в современном дискурсе появилось несколько подходов к концептуализации цифровой грамотности. А. Мартин и Дж. Груджецки рассуждают о цифровой грамотности в чисто техническом понимании, как о совокупности компетенций людей определенным образом пользоваться цифровыми инструментами для объединения, анализа и оценки цифровых ресурсов, создания знания, генерации контента и коммуникации с людьми [Martin, Grudziecki, 2007: 255]. В когнитивном ключе определяет цифровую грамотность Э. Йилдиз как способность получать и критически оценивать информацию, искать решение проблем и принимать решения с помощью цифровых инструментов [Yildiz, 2020: 470]. Социальный смысл в концептуализации цифровой грамотности усиливается в трактовке Р. Джонса и К. Хафнера, рассматривающих ее как способность творчески участвовать в социальных практиках, принимать идентичности, формировать социальные отношения [Jones, Hafner, 2012: 224].

В настоящее время в исследовательском поле ученые стали прибегать к попыткам описания цифровой грамотности через компиляцию наиболее релевантных аспектов той или иной перспективы рассмотрения. В этой связи сформировалось определение, сочетающее в себе и технические компетенции, и когнитивные навыки. Так, Л. Панграцио с коллегами указывает, что цифровая грамотность охватывает набор навыков и склонностей, а также критические и творческие отношения к цифровым технологиям [Pangrazio et al., 2020: 454].

Представленные определения демонстрируют, что цифровая грамотность в исследованиях все сильнее ассоциируется с конкретными компетенциями (техническими, когнитивными). Некоторые авторы приходят к выводу, что цифровая грамотность и цифровая компетентность в современных исследованиях могут использоваться как синонимы [Hatlevik, Christophersen, 2013: 240]. Но конвенциональное понимание взаимосвязи этих элементов указывает на то, что цифровая грамотность означает более широкий спектр практик, нежели цифровая компетентность [Pangrazio et al., 2020: 454].

Расширенное понимание цифровой грамотности: эвристический потенциал. Говоря о сильных и слабых сторонах описанных подходов к концептуализации цифровой грамотности, следует отметить, что главной их слабостью является специфика перспективы рассмотрения. Техническая концептуализация делает большой акцент на анализе конкретных навыков работы с информацией, обращая меньше внимания на когнитивную и социальную составляющие. В то же время социальное взаимодействие пользователей в современных условиях мультимедийности и большого количества недостоверной информации может являться одним из способов аутентификации информации, полученной в Интернете [Waruwu et al., 2020]. Упор только на когнитивные аспекты цифровой грамотности изымает из исследовательского фокуса элементы технического характера, например умение пользоваться современными средствами перевода текстов, а также социальную составляющую цифровой грамотности, которая создает новые идентичности и практики общения. Наиболее приемлемым вариантом концептуализации видится расширенное понимание цифровой грамотности, соединяющее в общих чертах техническую, когнитивную и социальную составляющие. В данной статье предлагается следующее концептуальное понимание цифровой грамотности: *это обусловленная предыдущим опытом совокупность регулярно практикуемых прикладных компетенций обращения с программным обеспечением компьютера или смартфона (включающих в себя конкретные навыки), которые позволяют человеку, группе или сообществу решать возникающие задачи на основе критического поиска, анализа, а также последующего синтеза размещенных в сети данных.*

Расширение подхода к концептуальному пониманию привносит в исследовательское поле несколько преимуществ: (1) комплексность: включаются широкие контексты – технические, социальные, когнитивные, – что позволяет придать цифровой грамотности междисциплинарную интенцию, выводящую ее за рамки конкретных дисциплин – психологии (когнитивное понимание), социологии (социальное понимание); (2) определение адаптировано под актуальное состояние цифровизации, когда Интернет больше не рассматривается только в качестве пространства использования существующих инструментов, как

это было в 2000-х гг., когда доминирующим было техническое понимание грамотности. Сейчас это генеративное пространство, которое конструируется через практики синтеза данных акторами [Zittrain, 2008].

В то же время есть ограничения предложенной трактовки: 1) утилитарный характер – в определение не включаются, к примеру, развлекательные практики, которые не могут быть идентифицированы с точки зрения их прямой утилитарной составляющей; 2) определение фокусируется на сугубо функциональных практиках, исключая практики дисфункционального и латентно функционального характера, такие, например, как кибермошенничество.

Операциональное определение цифровой грамотности. Уточним теперь операциональную область цифровой грамотности, которая применяется в обновленном подходе Евростата. Ключевым аспектом в нем являются области компетенций, основанные на конкретных цифровых навыках [Suoranta, Rantala, 2008].

1. *Компетенция информационной грамотности:* поиск информации о товарах или услугах; поиск информации о здоровье; чтение новостных сайтов, газет или журналов; проверка фактов и источников информации в Интернете.

2. *Компетенция коммуникативной грамотности:* отправка/получение электронных писем; использование телефонной связи/видеозвонков; обмен мгновенными сообщениями; участие в социальных сетях; выражение мнений по гражданским или политическим вопросам на веб-сайтах или в соцсетях; участие в онлайн-консультациях или голосованиях.

3. *Компетенция в контексте создания цифрового контента:* использование ПО для обработки текстов и работы с электронными таблицами; редактирование фотографий, видео- или аудиофайлов; копирование или перемещение файлов между папками, устройствами или в облаке; создание файлов, включающих несколько элементов (текст, картинка, таблица, диаграмма и т.п.); использование функций, формул, макросов в работе с электронными документами; написание кода на языке программирования.

4. *Компетенция в области безопасности:* проверка безопасности веб-сайта; чтение соглашений о конфиденциальности перед предоставлением персональных данных; ограничение или отказ в доступе к собственному географическому местоположению; ограничение доступа к профилю или контенту в соцсетях; отказ от использования персональных данных в рекламных целях; ограничения сбора файлов cookies на любом из устройств.

5. *Техническая компетенция:* загрузка или установка ПО, приложений; изменение настроек ПО, приложения или устройства; покупки в Интернете (за последние 12 месяцев); продажа через Интернет; использование учебных ресурсов онлайн; интернет-банкинг; поиск работы или отправка заявления о приеме на работу.

Описание методологии исследования. Замер уровня цифровой грамотности по новой методологии Евростата в России проводился в рамках Мониторинга цифровой трансформации экономики и общества, осуществляемого Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Анкета мониторинга состоит из двух частей. Первая включает вопросы о домохозяйстве респондента, наличии доступа в Интернет и цифровых устройств, практиках взаимопомощи при использовании цифровых гаджетов. Вторая содержит вопросы об индивидуальном использовании цифровых технологий, отношении к ним, а также личностных и отдельных социально-демографических характеристиках. Вопросы сгруппированы по пяти тематическим блокам.

1. Доступ в Интернет в домохозяйстве и наличие цифровых устройств (**вопросы 1–15**): в рамках блока оценивается уровень цифровизации домохозяйств и индивидов. Ряд вопросов посвящен наличию и типу доступа в Интернет в домохозяйствах, а также мотивации сопротивления цифровой трансформации. Часть вопросов раскрывают тему цифровой технологизации домохозяйств: наличие потребности в обновлении и покупке новых цифровых устройств, роль финансовых ограничений.

2. Цифровизация практик: работа, образование, досуг (**вопросы 16–75**): для оценки степени цифровизации повседневных практик данный блок вопросов разделен на три

части. Работе посвящен широкий спектр вопросов – уточнение характера текущей занятости индивидов; составление «цифровых профилей профессий», а также выявление способов заработка в Интернете. Вторая часть посвящена основному и дополнительному образованию. Для каждого типа образования содержатся вопросы, оценивающие степень и характер вовлеченности в каждое из них, соотношение между используемыми цифровыми и традиционными образовательными инструментами. Третья часть затрагивает иные повседневные практики индивидов вне трудовой и образовательной деятельности.

3. Цифровые навыки (**вопросы 76–77**): для оценки уровня цифровой грамотности индивидов в исследовании используется новая методология Евростата, в соответствии с которой выделяются пять групп цифровых компетенций.

4. Контроль цифровой активности (**вопросы 78–82**): в рамках данного блока респондентам задаются вопросы, выявляющие наличие интернет-зависимости и цифровые практики, применяемые респондентами для ее минимизации.

5. Цифровые риски (**вопросы 83–89**): данный блок вопросов направлен на раскрытие темы информационной безопасности. Вопросы касаются того, с какими цифровыми рисками человек сталкивался, и с помощью каких действий и инструментов предпринимались попытки обеспечения безопасности в Интернете. Особое внимание в данном блоке уделяется проблеме фейковых (фальшивых) новостей.

6. Социальные установки в отношении цифровых технологий (**вопросы 90–93**): для оценки восприятия людьми цифровых технологий в инструментарий включены вопросы индекса технологической готовности и вопросы, описывающие восприятие населением эффектов цифровых технологий.

Данные собирались при помощи очного анкетного опроса, проведенного в период с августа по сентябрь 2022 г. в 69 субъектах РФ. Генеральной совокупностью являются все жители РФ в возрасте от 14 лет и старше. Квотный отбор осуществлялся по полу, возрасту, уровню образования, типу населенного пункта. Взвешивающая переменная рассчитывалась на основе пропорций квот для всей базы. Переменные, влияющие на веса: федеральный округ, регион, пол. Тип выборки: стратифицированная, многоступенчатая, адресная: $N = 10021$ (4455 мужчин и 5566 женщин в возрасте от 14 до 93 лет).

Методология вычисления уровня цифровой грамотности. Полученные данные анализировались в соответствии с новым подходом Евростата. Он предполагает расчет уровня цифровой грамотности в два этапа: на первом этапе выявляется уровень владения навыками в рамках каждой компетенции, на втором – формируется общая оценка. Владение навыками в рамках конкретной компетенции определяется на основе трехуровневой системы: «нет навыков» – отсутствие навыков в рамках компетенции; «базовый» – один или два навыка в рамках компетенции; «выше базового» – три или более навыков в рамках компетенции. Обобщенный уровень цифровой грамотности структурируется следующим образом: «**высокий уровень**» – уровень «выше базового» в рамках всех пяти компетенций; «**базовый**» – все пять компетенций находятся на «базовом» уровне или выше, но не все пять на уровне «выше базового»; «**ниже базового**» – «базовый» или «выше базового» уровень в рамках четырех компетенций и «нет навыков» в рамках одной из компетенций; «**низкий**» – «базовый» или «выше базового» уровень в рамках трех компетенций и «нет навыков» в рамках двух компетенций; «**минимальный**» – «базовый» или «выше базового» уровень в рамках двух компетенций и «нет навыков» в рамках трех компетенций; «**нет навыков**» – «нет навыков» в рамках четырех или всех пяти компетенций.

Вопрос, с помощью которого выяснялось, обладает ли респондент каким-либо навыком, был сформулирован следующим образом: «*Что из этого вам приходилось делать за последние 3 месяца?*»

Уровень цифровой грамотности россиян. Согласно расчету по методике Евростата, в России около половины опрошенных респондентов (43%) обладают цифровой грамотностью на «низком» (30%) и «минимальном» уровне (13%). Среди стран Европы по этому показателю Россия находится на последнем месте (рис. 1). «Низкий» и «минимальный»

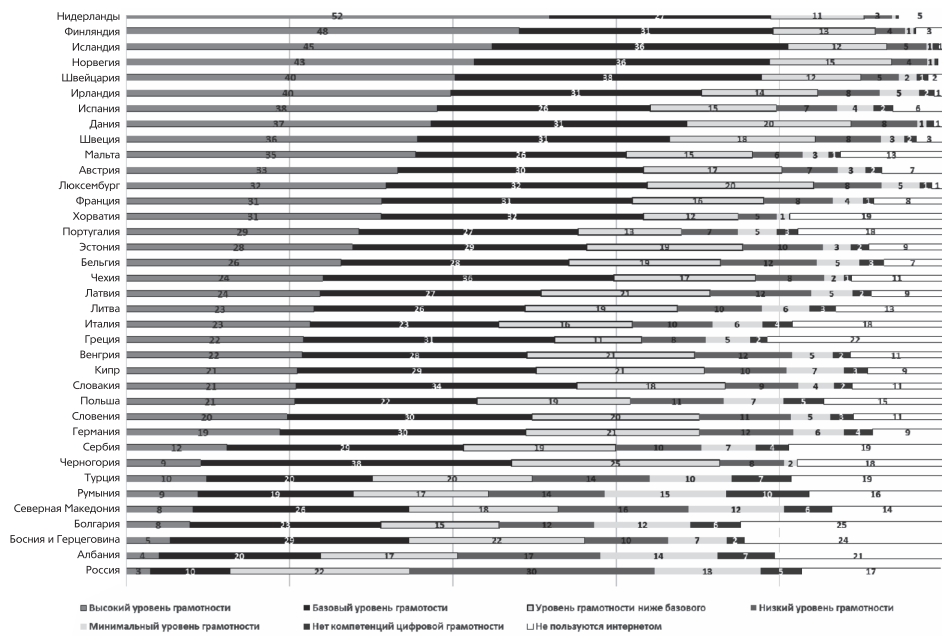

Рис. 1. Уровень цифровой грамотности населения Европы (в %, здесь и далее: в РФ – от всех респондентов; в странах Европы – от респондентов в возрасте 16–74 года)

Источник: здесь и далее: страны Европы – согласно данным Евростата; Россия – данные Мониторинга цифровой трансформации экономики и общества ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2022.

уровни цифровой грамотности подразумевают, что респондент обладает навыками лишь в 2–3 областях компетенций. В России это преимущественно коммуникативная (78,4%), техническая (67,7%) и информационная (74,8%) компетенции. Навыками создания цифрового

Таблица

Уровни цифровой грамотности россиян по возрасту (процент от обладающих определенным уровнем навыков россиян в определенной когорте)

Возраст, лет	Высокий уровень	Базовый уровень	Уровень ниже базового	Низкий уровень	Минимальный уровень	Нет компетенций	Не пользуются Интернетом
14–17	5,4	8,1	6,3	4,3	4,5	3,7	0,2
18–24	33,4	25,2	19,0	13,0	8,1	5,4	1,5
25–29	15,2	15,2	14,7	9,9	5,6	3,7	1,2
30–34	11,6	11,8	12,6	9,4	7,2	5,8	1,9
35–39	12,1	9,8	10,8	11,1	7,2	6,1	1,7
40–44	6,6	8,2	10,3	9,2	9,3	5,8	2,8
45–49	7,2	7,3	8,0	10,0	9,3	7,4	4,3
50–54	4,1	5,9	7,7	9,7	9,4	15,0	8,2
55–59	3,5	5,0	4,9	9,1	12,9	13,6	12,1
60+	0,8	3,4	5,6	14,3	26,4	33,4	66,0

Примечание. Между показателями возраста и уровнем цифровой грамотности имеется значимая заметная корреляционная связь (0,5): чем младше респондент, тем выше его уровень цифровой грамотности.

контента обладают почти треть россиян (30%), и лишь 1/5 опрошенных (20,8%) – навыками обеспечения безопасности.

При этом среди пользователей в России относительно невелика доля тех, кто попал в категорию «нет навыков», – всего 5%. Для сравнения: в Болгарии и Албании таковых 7%, а в Румынии 10%. Интересно, что 61% из этих россиян выходят в Интернет каждый день.

В то же время лишь 13% россиян, согласно методике расчета Евростата, оказались в группе обладателей широкого набора цифровых компетенций – уровень цифровой грамотности «базовый» или выше. В большинстве случаев это молодые люди в возрасте 18–24 лет (табл.), выходящие в сеть несколько раз в день. У них самые высокие среди всех остальных когорты значения компетенций безопасности и создания цифрового контента.

В чем специфика цифровой грамотности россиян? Почему цифровая грамотность россиян находится на низком уровне в соответствии с новой методологией Евростата? Наиболее приемлемым вариантом исследовательского поиска в этой связи видится межстрановая компаративистика, на основании которой и можно будет сделать вывод о наличии или отсутствии специфики цифровой грамотности у пользователей в России. Отмечается, что контексты цифровых навыков имеют разную образовательную, технологическую и политическую истории, которые влияют на освоение и использование технологий [Pangrazio et al., 2020]. Иными словами, в каждой стране существуют свои конъюнктурные особенности, влияющие как на цифровизацию в целом, так и на развитие цифровых компетенций, эти факторы важно учитывать при интерпретации данных. К примеру, в России самая низкая в Европе цена широкополосного подключения к Интернету², но лидерами по цифровизации домохозяйств являются Нидерланды, страны Северной Европы³. Это может объясняться догоняющей стратегией цифровизации в России. Так, к примеру, в Швеции стратегия по включению в цифровую инфраструктуру населения страны предусматривала цифровизацию 95% домохозяйств к 2020 г. [Мельничук, 2019: 266] тогда как в России достижение цифровизации 97% домашних хозяйств планируется только к 2030 г.⁴

Анализ подобных системных факторов может определить специфику цифровой грамотности россиян, подсветить проблемные или, наоборот, выигрышные аспекты, а также оценить адекватность нового подхода Евростата применительно к России.

По доле лиц, обладающих навыками коммуникативной компетенции, РФ не сильно отстает от средних европейских показателей: 78 против 87% в среднем по Европе (рис. 2). Схожая ситуация обнаруживается и в контексте рассмотрения доли лиц, обладающих навыками технической компетенции (68 против 78% в среднем по Европе) (рис. 3), а также лиц с навыками информационной компетенции (75 против 83% соответственно) (рис. 4).

Принципиально иначе ситуация выглядит при анализе компетенций создания цифрового контента и безопасности (рис. 5 и 6). По данным показателям РФ значительно уступает странам Европы. По доле пользователей, обладающих навыками создания цифрового контента, Россия более чем в 2 раза отстает от среднеевропейских показателей – 30 против 66%, а по доле людей, обладающих навыками безопасности, более чем в 3 раза – 21 против 67%.

Если говорить о конкретных навыках создания цифрового контента, только 19% опрошенных работали с текстовым редактором; 16% с электронными таблицами; 10% с программами для редактирования фото/видео; 8% создавали презентации и 2% программировали. Очевидно, что в рамках новой методологии данная область компетенций рассматривается Евростатом как профессиональная, связанная с выполнением рутинных рабочих задач. Однако в России, согласно результатам Мониторинга цифровой трансформации экономики и общества ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, только 56% занятых для выполнения

² ICT Price Baskets (IPB). <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Dashboards/Pages/IPB.aspx> (дата обращения: 30.05.2023).

³ Eurostat. Households – Level of internet access. https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/isoc_ci_in_h/default/table?lang=en (дата обращения: 19.10.2023).

⁴ Федеральный проект «Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи». <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1086/> (дата обращения: 19.10.2023).

Рис. 2. Доля жителей Европы, обладающих навыками коммуникативной грамотности, в %

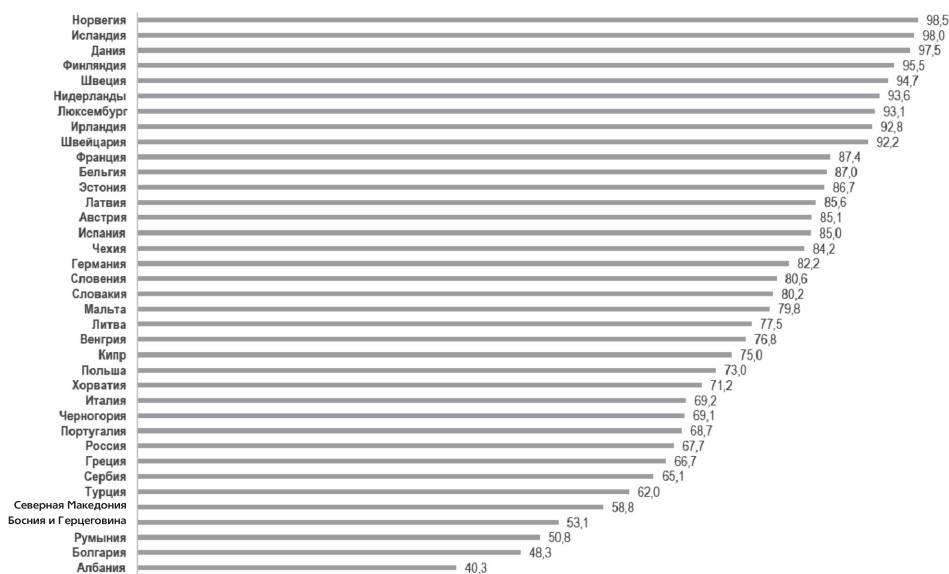

Рис. 3. Доля жителей Европы, обладающих навыками технической грамотности, в %

трудовых задач требуется функционал ПК, причем не все задачи обязательно сопряжены с теми операциональными переменными, которые включены в новую оптику Евростата. К примеру, техническая диагностика автомобиля сейчас производится при использовании компьютеров, но она не связана ни с одним из навыков, которые предлагаются

Рис. 4. Доля жителей Европы, обладающих навыками информационной грамотности, в %

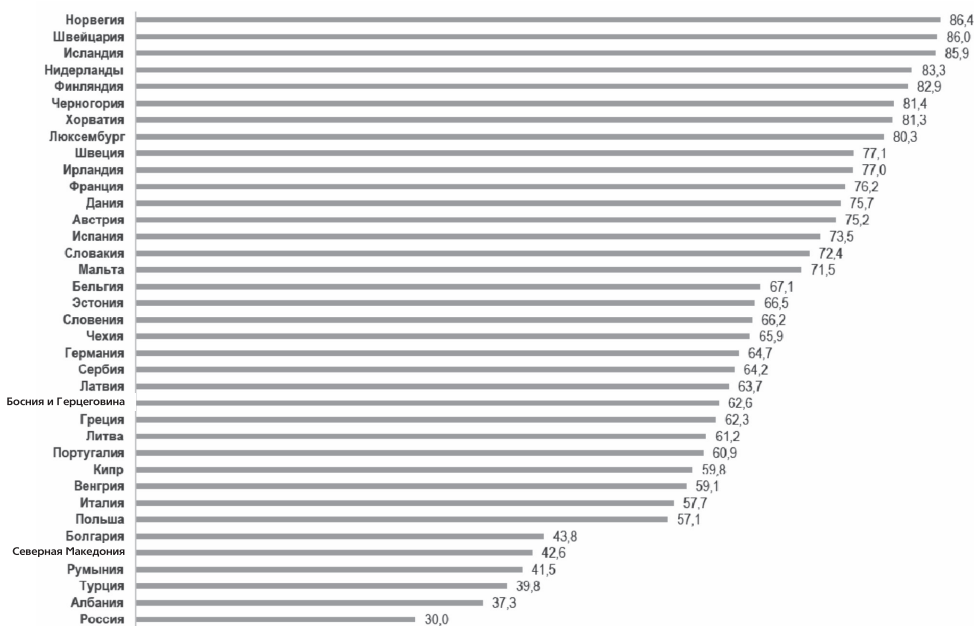

Рис. 5. Доля жителей Европы, обладающих грамотностью в контексте создания цифрового контента, в %

Евростатом. Профессионализация данного типа навыков исключает из анализа, в частности, временно неработающих и неработающих пенсионеров, составляющих 36% выборочной совокупности мониторинга ИСИЭЗ. Указанные методологические лакуны новой методологии делают неизбежным проседание РФ по навыкам создания цифрового контента в сравнении с большинством стран Европы.

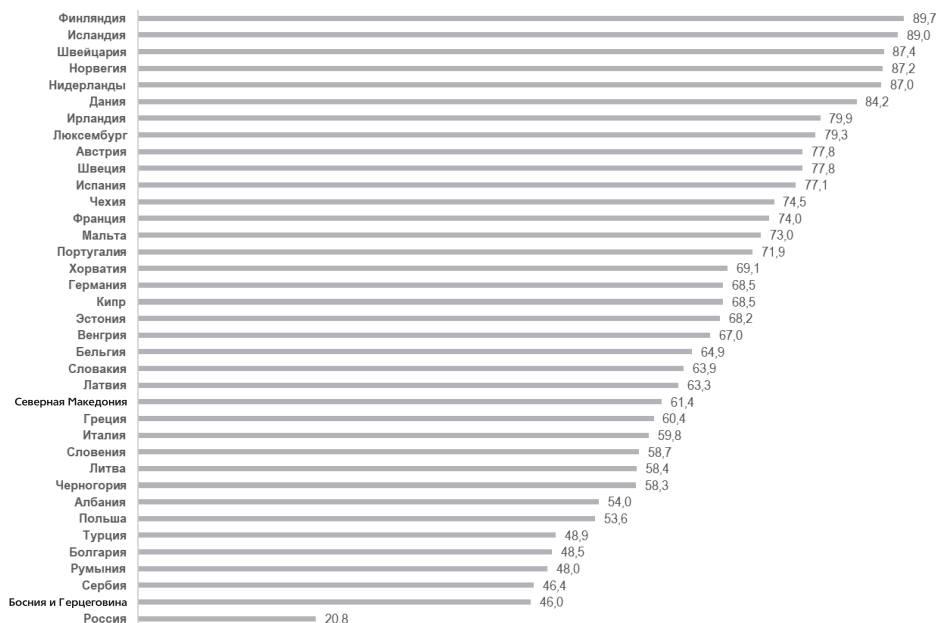

Рис. 6. Доля жителей Европы, обладающих грамотностью в контексте безопасности, в %

Что касается цифровой грамотности в контексте безопасности, анализ соответствующих навыков в рамках новой методологии Евростата показывает, что лишь 3% российских пользователей проверяют достоверность сайта; 4% отключают сохранение файлов cookie; 7% читают соглашение о конфиденциальности; 8% ограничивают доступ к профилю в социальных медиа; 11% отказываются от передачи данных для использования их в рекламных целях; 12% ограничивали сайты или приложения в доступе к местоположению. При этом нельзя сказать, что российские пользователи вообще не задумываются о своей безопасности. Так, 42% россиян используют инструменты защиты информации и устройства. При этом 39% из них применяют более одного инструмента защиты. Самыми популярными являются антивирусы (34%), VPN-сервисы (13%)⁵ и антиспамовые фильтры (9%). В этой связи видится, что проседание уровня цифровой грамотности россиян в плане цифровых компетенций безопасности вновь связывается со спецификой «рынка потенциальных угроз» России и невозможностью их уловить через призму новой оптики Евростата. Так, более половины российских пользователей (56%) не сталкивались с проблемами цифровой безопасности за последние 12 месяцев. Это говорит о том, что российский сегмент Интернета не требует высокого уровня компетенций защиты для минимизации рисков и является относительно безопасным. Остальные 44% пользователей чаще всего получали мошеннические письма по электронной почте, смс или звонки (14%), «ловили» вирусы в Интернете (6%). При этом следует помнить, что большинство банковских приложений, к примеру, обладают встроенным определителем номера, который на основании информации о жалобах клиентов способен распознавать конкретный номер, с которого уже совершались попытки мошеннических действий. Точно так же, как большинство почтовых сервисов по умолчанию оборудовано антиспамовым фильтром, автоматически отсекающим спам-письма, в которых может содержаться мошенническая

⁵ VPN-сервисы исключаются из дальнейшего рассмотрения, так как в российском контексте являются, скорее, инструментами обхода ограничений, а не инструментом защиты данных.

информация. В этой связи видится, что цифровая безопасность россиян при использовании Интернета и цифровых устройств на необходимом уровне обеспечивается автоматически. Более того, большинство современных интернет-браузеров оснащено расширением в виде встроенного антивируса, который помечает потенциально вирусопасные ссылки и файлы. Таким образом, тот уровень цифровой грамотности в контексте цифровой безопасности, который можно наблюдать в России, является адекватным существующим цифровым рискам и «рынку потенциальных угроз».

Место заключения. Говоря о продуктивности использования подхода Евростата в российских реалиях, необходимо отметить следующие контекстуальные моменты. Мониторинг цифровой трансформации экономики и общества, в рамках которого анализировалась цифровая грамотность, носит комплексный характер: в инструментарий включены блоки различной тематики – от занятости до социального самочувствия. В то же время инструментарий Евростата носит узконаправленный характер, включающий в себя несколько тем, напрямую связанных с вопросами цифровизации: доступ к информационным и коммуникационным технологиям (ИКТ); использование Интернета; использование электронных госуслуг; электронная коммерция; интернет вещей; экология ИКТ; социально-демографический блок (всего 50 вопросов)⁶. Большое количество вопросов в мониторинге создавало сложности с удержанием фокуса внимания респондента, зачастую ближе к концу заполнения анкеты интервьюером респонденты теряли интерес и отвечали быстрее, лишь бы скорее закончить. Это могло повлиять на данные в отношении навыков, так как вопросы, замеряющие их, задавались ближе к окончанию интервью.

Следует учитывать общее негативное восприятие опросов общественного мнения в России, что также может влиять на итоговые результаты исследования. Интервьюерами отмечались сложности в процессе опроса людей пожилого возраста. Старшее поколение не понимало, о чем идет речь: «К числу трудно воспринимаемых пожилыми людьми вопросов и вариантов ответов относятся, например, те, которые связаны с проблемами или способами защиты данных. Пожилые люди часто не имеют представления о технической стороне работы с компьютером, мобильным телефоном» (из отчета интервьюера).

Поэтому при анализе данных важно учитывать специфику российской реальности и нечувствительность к ней нового инструментария Евростата. Дальнейшее ее использование должно быть рефлексивным и учитывать локальные контексты исследования, которые должны отражаться также и в концептуальном модуле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Мельничук М.В. Международные тенденции развития цифровой экономики: опыт стран Северной Европы // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 3. С. 265–269 [Melnichuk M.V. International trends in the development of the digital economy: Nordic experience. *Problemy ekonomiki i juridicheskoy praktiki* [Problems of economics and legal practice]. No. 3: 256–269. (In Russ.)]
- Bawden D. (2008) Origins and concepts of digital literacy. *Digital literacies: Concepts, policies and practices*. Vol. 30: 17–32.
- Gilster P. (1997) *Digital Literacy*. New York: Wiley.
- Hatlevik O., Christophersen K.-A. (2013) Digital Competence at the Beginning of Upper Secondary School: Identifying Factors Explaining. *Digital Inclusion. Computers & Education*. Vol. 63: 240–247.
- Jones R., Hafner C. (2012) *Understanding Digital Literacies: A Practical Introduction*. London and New York: Routledge.
- Martin A., Grudziecki J. (2007) DigEuLit: Concepts and Tools for Digital Literacy Development. *Innovation in Teaching and Learning in Information and Computer Sciences*. Vol. 5. No. 4: 1–19.

⁶ Model questionnaire ICT Households (2022). <https://circabc.europa.eu/ui/group/89577311-0f9b-4fc0-b8c2-2aaa7d3ccb91/library/7da944c4-46e0-4d7d-9866-bc9e030c9a32/details> (дата обращения: 22.06.2023).

- Pangrazio L., Godhe A., Ledesma A. (2020) What is digital literacy? A comparative review of publications across three language contexts. *E-Learning and Digital Media*: 1–18.
- Rantala L., Suoranta J. (2008) Digital literacy policies in the EU: Inclusive partnership as the final stage of governmentality. *Digital literacies. Concepts, policies and practices*: 91–117.
- Waruwu B., Tandoc E., Duffy A., Kim N., Ling R. (2020) Telling lies together? Sharing news as a form of social authentication. *New Media & Society*. No. 23: 1–18.
- Yildiz E. (2020) Opinions of academicians on digital literacy: A phenomenology study. *Cypriot Journal of Educational Sciences*. Vol. 15. No. 3: 469–478.
- Zittrain J. *The future of the internet – and how to stop it*. Yale University Press, 2008.

Статья поступила: 11.04.23. Финальная версия: 19.10.23. Принята к публикации: 20.10.23.

FEATURES OF DIGITAL LITERACY MEASUREMENT IN RUSSIA

POPOV E.V.

HSE University, Russia

Evgeniy V. POPOV, Junior Researcher, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge National Research University "Higher School of Economics", Russia (epopov@hse.ru).

Acknowledgements. The paper was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

Abstract. The first part of the article revises existing approaches to theoretical understanding of digital literacy in order to provide a conceptual basis for the new Eurostat methodology for assessing digital literacy level. Four types of theoretical approaches are distinguished in the text: technical, cognitive, social and synthetic. On their basis, an extended understanding of digital literacy is constructed as a set of applied competences to handle computer/smartphone software (including specific skills) substantiated by previous experience which allow an individual, group or community to solve emerging problems based on critical search, analysis as well as subsequent synthesis of network placed data. The second part of the article is devoted to approbation of the new Eurostat methodology for evaluating digital literacy on a Russian sample. The conclusion is made that the updated Eurostat approach does not quite adequately describe the level of Russians' digital literacy due to the specific realities in Russia: a special structure of the labor market and distinctive "market" of digital threats.

Keywords: digital literacy, digital skills, digital gap, monitoring, Eurostat.

Received: 11.04.23. Final version: 19.10.23. Accepted: 20.10.23.